

Саша Чёрный

Армейский спотыкач

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный
Армейский спотыкач

«Public Domain»

19323

Чёрный С.

Армейский спотыкач / С. Чёрный — «Public Domain»,
19323 — (Солдатские сказки)

ISBN 978-5-457-30482-6

«Обсмотрели солдатика одного в комиссии, дали ему два месяца для легкой поправки: лети, сокол, в свое село... Бедро ему после ранения как следует залатали, – однако ж настоящего ходу он не достиг, все на правую ногу припадал. Авось деревенский ветер окончательную разминку крови даст...»

ISBN 978-5-457-30482-6

© Чёрный С., 19323
© Public Domain, 19323

Саша Чёрный Армейский спотыкач

Обсмотрели солдата одного в комиссии, дали ему два месяца для легкой поправки: лети, сокол, в свое село... Бедро ему после ранения как следует залатали, – однако ж настоящего ходу он не достиг, все на правую ногу припадал. Авось деревенский ветер окончательную разминку крови даст.

Попал он с лазаретной койки, можно сказать, как к куме за пазуху. На палочке ясеневой винтом кору снял, – ходи себе барином да постукивай. Хочешь, на завалинке сиди, табачок покуривай, – полковница вдовая на распределительном пункте два картуза махорки ему пожертвовала. Хочешь, в коноплянике на рогоже валяйся, легкие тучки считай да слушай, как кудрявый лист шипит... Окопы словно в темном сне снились, – русский воздух, бадья у колодца звенит. Ручей за плетнем воркочет, петух домашний штаны клювом долбит, – тоже, дурак, нашел себе власть.

Семейство у солдата было ничего – зажиточное. Картофельными лепешками его ублажали, молоко свое, немереное, в праздник – убоина, каждый день чаек. Известно – воин. Он там за них, вахлаков, в глине сидючи, что ни день – со смертью в дурачки играл, как такого не ублажить. Работы, почитай, никакой, нога ему не позволяла за настоящее приниматься. То ребятам на забаву сестру милосердную из редьки выкроит, то Георгиевский крест на табакерке вырежет – одно удовольствие.

А вокруг села, братцы мои, леса стеной стояли. Дубы кряжистые, – лапа во все концы, глазом не окинешь. Понизу гущина: бересклет, да осинник, да лесная малина, – медведь заблудится. На селе светлый день, а в чашу нырнешь, солнце кой-где золотым жуком на прелый лист прыснет, да и сгинет, будто зеленым пологом его затянуло... Одним словом – дубрава.

Сидит как-то солдат под вечер на завалинке. Овцы с лужка через выгон серой волной к своим дворам катятся, – которая овца на солдатское голенище уставится, которая ясеневую палочку понюхает. Забава...

Подсела тут старушка одна знакомая, – черный шлык, глазки шильцем, язык мыльцем, голова толкачиком.

– Что ж, бабушка, – говорит солдат, – внучки твои малинки лесной хучь бы кузовок принесли... С молоком – важная вещь. Уж я бы им пятак на косоплетки выложил. Да и грибов бы собрали. У вас тут этого земляного добра лопатой не оберешь. А я бы насушил, да фельдфебелю нашему, с дачи на фронт вернувшись, в презент бы и поднес. Гриб очень солдатским сметкам соответствует.

Пожевала старушка конец платка, головой покачала.

– Эх, сынок, ясная кокарда! Стало быть, ты про беду нашу и не слыхал? Какие тут грибы да малина, ежели в лес не то что дите – и сам кузнец шагу теперь не ступит...

– Вот так клюква! Медведи к вам, что ли, с западного фронта по случаю отступления на постой перешли?

– Эк сказал. На медведей бы мы всем селом облавой пошли, нам же прибыль была б. В аптеке, сказывают, нынче за медвежье сало по полтиннику за фунт дают. Каки там медведи... И свои лохматые, какие были, из лесу невесть куда ушли. Не то что человек, зверь лесной и тот не выдержал.

– Что ж, бабушка, за вещь такая? Лешие у вас тут, что ли, расплодились? Да они ж, милая, бессемейные, – сам от себя не расплодишься...

– А ты говори, да оглядывайся. Дело-то к ночи идет. И впрямь, дружок, лешие... Допрежь того спокон веку мы спокойно жили. В лесу хочь люльку поставь: дятел на сук

сядет, чуб набок, да и прочь отлетит. Только и всего. Да, вишь ты, ненароком правду сказал: не иначе, как с прифронтовой полосы на нас накатило... Волостной писарь сказывал, будто германы газ такой в самоварах ихних кипятят, – покойников неотпетых вываривают, на нашу сторону дух по ветру пушают... Рыба в реках пухнет, лист вянет, людей берестой сводит, – лошади ли, медведи, вся тварь живая до подземного, скажем, жука вся как есть мрет. Стало быть, и нежить лесная, – тоже и ей дышать надо, – смраду этого не стерпела, вся начисто к нам и подалась. Вот и поди в лес теперь по малинку...

– Да видал ли их кто, бабушка? Може, попритчилось с полугару? На сапог сам себе наступил, через портки перескочил, да и ходу.

Обиделась бабка, лаптем пыль взбила, – натурально, старому человеку хрена в квас не клади.

– Воевать ты, сынок, воевал, а ум-то свой в лазарете под подушкой забыл. Сорока я, што ли, чтоб зря цокотать? Люди видали. Псаломщик, человек нечисти неприкосновенный, – при церкви на должностях состоит, – в лес по весне сунулся хворосту собрать, и того захоронили. Среди бела дня лешие с ним в кошки-мышки играть затеяли... Он под куст, а лесовик его за штанцы, – он под другой, а там его невесть кто ореховым прутом по сахарнице. Гоняли, гоняли, как крысу по овину. Очумел он совсем, голосу лишился. Только на колокольный звон к вечеру на карачках продрался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.